

Рейснер Михаил Андреевич

**Государство буржуазии и Р.С.
Ф.С.Р.**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
М69

М69 **Михаил Андреевич Р.**
Государство буржуазии и Р.С.Ф.С.Р. / Рейснер Михаил Андреевич – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 424 с.

ISBN 978-5-519-80516-2

Государство и право. Юридические науки -- Государственное (конституци-
онное) право -- РСФСР, Государство и право. Юридические науки -- Общая
теория государства и права -- Теория государства -- Государство диктатуры
пролетариата

ISBN 978-5-519-80516-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ЧАСТЬ I

Введение.—Классовое общество
и государственная власть

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Государство и общественные классы.

§ 1. Государство и классовый строй. Всякое общество основано на зависимости и связи человека с человеком. Эти связи и зависимость могут выражаться в самой различной форме и основываться на многообразных интересах и мотивах. Одни союзы и соединения непосредственно создаются на основе хозяйственных интересов и дают организацию хозяйственной жизни, а также основанные на ней виды зависимости. Другие соединения наслаиваются и надстраиваются над хозяйственными и дают выражение интересам семейным, кровным или родовым и устанавливают соответственную связь и зависимость. Третьи образуются из надстроек военного и политического характера, которые пользуются данным хозяйственным строем для установления нужной для этого строя организации государственного типа. В таком же роде возникают над хозяйственными отношениями религиозные, моральные и культурные отношения и связи, которые порождают свою власть и подчинение и свои организации. Среди всех этих союзов и соединений, однако, совершенно исключительное значение получил союз государственный, который в течение последних веков достиг необычайного развития.

Значение государства со времени его возникновения можно измерить хотя бы тем фактом, что ему за многие века, начиная с древнего времени, посвящена почти необъятная литература, заключающая в себе и научные труды, и философские учения, и практические толкования и всевозможные руководства. И это вполне соответствует действительной роли государства и его власти в жизни классового общества. Все было сосредоточено в нем, все сводилось к нему и все производилось от его воли, власти и силы. Особенно в новое время с развитием капиталистического строя безмерно возросло идеологическое значение государства и положительно задавило все силы, не исключая церкви, которые раньше преобладали в общественной жизни.

Если мы присмотримся к понятию государства в современном мире так называемых культурных наций, то мы будем поражены чудовищностью этого построения: государство и его власть положительно превратились в земное божество со всеми свойствами небесного всемогущества. Государству придается прежде всего совершенно независимая от людей жизнь и существование. Обладая какой-то таинственной сущностью, оно имеет свою особую волю, интересы и разум. Ему затем свойственно ничем не нарушимое единство, неизменяющееся во времени. Оно может менять свои формы, но оно вечно и бессмертно, как и его неизменная власть. Государственная воля оказывается способной воплощаться в различных лицах и учреждениях на громадном пространстве и вместе с тем сохраняет свою неизменяемость. Государственная власть становится, наконец, источником всякой другой власти, от нее происходит всякое право, она неограничена, всемогуща и вездесуща в своем проявлении. Положительно, какое-то нагромождение чудовищных признаков, которые дают картину не то допотопного Левиафана—по выражению Гоббса,—не то холодного зверя—по выражению Ницше.

Но не только это значение государства заставляет нас останавливать на нем наше внимание. И хотя в новом виде и форме, но как это ни покажется странным, однако и в наше революционное время, когда произнесен смертный приговор буржуазному порядку, государство продолжает свое существование и проявляет свою мощь. Переход к коммунистическому безгосударственному строю совершается не сразу. Между гибелью старого государства и рождением хозяйственного безвластного товарищества является новое государство как переходная форма, как орудие революции, как средство уничтожения государства навсегда. Вот почему и сейчас при изучении строя современных социалистических и советских республик нам приходится посвятить некоторое время изучению государства вообще и советского в частности.

Обыкновенно буржуазные государствоведы начинают изучение государства с выяснения его так называемых элементов: территории или земельной области, населения и государственной власти. Как будто эти элементы являются основными и реальными началами, которые действительно определяют собой самую сущность и природу государства.

Но присматриваясь ближе к этим „элементам“, мы убеждаемся, что на самом деле они менее всего определяют собою те реальные живые силы, которые образуют государственный союз. При разборе не только государственной власти, но даже народа и территории в понимании буржуазных

ученых мы обнаруживаем отнюдь не научно-изучаемую действительность, а идеологические построения в целях пропаганды буржуазной государственности и укрепления ее политической веры.

Под территорией учителя буржуазной науки понимают вовсе не действительную землю и почву в ее естественном или хозяйственном значении, а выдуманную, искусственно придуманную государственную площадь, находящуюся в пределах известных условно проведенных государственных границ. Такая одинаковая, условная и искусственная площадь нужна господам государствоведам исключительно для того, чтобы обосновать в данных пределах всемогущество государственной власти, противопоставить народ, живущий в этих пределах, другим народам, которые находятся за рубежом, и таким образом отделить народ от народа, страну от страны и внушить населению, что там, за границей, находятся чужаки, иностранцы или чужеземцы, в худшем случае враги, а в лучшем—совершенно чужие люди. Государственная граница получает значение стены или барьера, разрезающего на части единое человечество только потому, что в одном месте сидит царь Иван, а в другом король Петр, хан Ахмет или президент Вильсон.

Даже население для государственной науки современности получает фантастическое и призрачное значение. Это не есть живое общество, разделенное на классы, народности и политические партии. Это менее всего живой народ в состоянии непрестанной борьбы хозяйственной, политической, племенной или религиозной. Наконец, это вовсе не живые люди с их различным культурным уровнем и государственным пониманием. Нет, это особый государственный народ, единый и невозмутимый в своем обожании государственной власти, весь во всех своих частях одинаково связанный государственными границами, народ, не знающий ни раздоров, ни борьбы, с мертвой покорностью несущий государственные повинности и проявляющий государственные добродетели. Это государственный условный и придуманный народ, который должен впитать в себя живое население и переделать его в такое же стадо верующих граждан или подданных, как церковь превращает своих пасомых в стадо церковных овец. И здесь мы видим не столько желание изучать подлинное население, сколько стремление навязать ему идеальный сточки зрения буржуазии образ государственного послушания.

Понятие государственной власти, как мы уже видели выше, являет все черты сверхъестественного чудовища в изображении буржуазных ученых. Главное здесь—навязать и привить населению веру в государство как в какое-то божество. А лучшим средством для этого

является убеждение, что государство есть, что оно еще существует, как нечто самоцельное, что его власти свойственны как раз те божеские признаки, которые мы отметили выше. Надо, чтоб никто не сомневался в столь же реальном существовании особой, отличной от человека, государственной воли, власти и силы, как в существовании камня, бревна или дерева. Ибо ясно, что население, которое искренно поверит в размалеванного государствоведом идола, безропотно будет подчиняться его всемогущей власти и в своей массе или совершенно не осмелится взять в руки эту сверхъестественную силу или же только с великой осторожностью или опаской при всеобщем негодовании решится наложить свои руки на столь священную волю.

Само собою разумеется, что серьезная положительная наука не может считаться со всеми этими выдуманными понятиями, как с живыми существами, или предметами естественного мира. Уже давно в науке звучат негодующие голоса, которые изгоняют из ее стен веру в кумиров и связанное с ней идолопоклонство. Проповеди, подделке и подстановке не должно быть места в научном исследовании. Это дело религии—изобретать богов, это задача искусства—творить живые типы и создавать богатые по содержанию и совершенные по форме образцы. И когда истинная наука обращается к изучению государства, она не внушает, а исследует; и раз государство строится при помощи условных понятий, придуманных существ и разных воображаемых сил, то наука должна разоблачать их, т.-е. найти те реальные, действительные условия и силы, которые приводят к созданию такого призрачного мира. И как наука о религии не проповедует никаких новых богов, а лишь выясняет, почему при данных условиях возникли определенные верования, точно так же и наука о государстве ищет причины создания идей, которые царят в государственной жизни, воплощаются в его организации и проявляются в виде нарисованных нами политических призраков.

При буржуазном порядке такое истинно-научное исследование применялось только изредка отдельными учеными. Среди них отметим в середине прошлого века Людвига Кнаппа и Лоренца Фон-Штейна, но большинство ученых шло по другому пути. Они занимались исключительно разработкой и развитием государственной веры и оправданием, во что бы то ни стало существующих государственных понятий. Лишь пролетарская наука, окончательно установленная Карлом Марксом, Фридрихом Энгельсом и Фердинандом Лассалем, сумела совершить полный переворот в науке об обществе и государстве и дать торжество поруганной истине. И теперь, конечно, мы не только трезво и критически относимся к нашей собствен-

ной деятельности, но можем раскрыть с полной ясностью те причины, которые привели в мире государственной мысли к нагромождению самых невероятных измышлений, самых диких понятий.

Как оказывается, все эти фантазии или идеи построены вовсе не потому, чтобы люди буржуазного общества были глупцами или поддавались влиянию любого лжеца и шарлатана. Государственные идеи—далеко не случайны и не произведения отдельных личностей. Напротив, история показывает нам, что они не только были необходимы, но что они имели сверх того громадное практическое значение и без их помощи не было бы возможно существование того общества, в котором они произросли. И даже самый факт нежелания вскрыть их истинную природу вовсе не дело каприза со стороны буржуазных ученых: как истинные слуги буржуазии и создатели нужной для нее организации власти, они должны были заменить науку проповедью и превратиться в пророков и жрецов буржуазной государственности. И даже есть глубокий смысл в том, что буржуазная наука начинает свое учение о государстве именно с так называемых его элементов, т.-е. территории, населения и государственной власти.

И в самом деле, начинать иначе было бы крайне неудобно. Предположим, что ученые буржуазного университета начали бы свое изложение с действительных фактов. В таком случае они должны были бы прежде всего представить нам реальное общество, разделенное на два класса, находящихся друг с другом в непрерывной и беспощадной борьбе, при чем один из этих классов совершенно не признает государства в его буржуазной форме. Они должны были бы далее отметить, что на бумаге у них имеется одно, а в жизни и действительности совершенно другое, что следовательно буква не отвечает фактам, а данное не совпадает с желаемым. Они должны были бы, наконец, признаться в том, что нет никакой неизменной власти и никакого единого государства, а что, наоборот, как и все человеческие создания, государственный союз и лежащие в его основе отношения изменяются с каждым днем и целиком зависят от гораздо более важных и решающих условий, чем власть, а в конечном счете от производства. И если бы эти ученые смогли бы быть честными до конца, они признались бы, подобно очень немногим своим коллегам, что за всеми государственными богами и призраками скрывается могучий классовый интерес их буржуазных хозяев. Но то, чего не могли сделать ученые слуги капитализма, то сделали социалистические ученые, которые вместе с пролетариатом были заинтересованы в одной только истине.

И мы теперь знаем, что основой всякого государства являются не территория, население или государственная власть, а определенный порядок, господство людей над людьми, которое выражается во власти меньшинства над большинством, класса эксплуататора или хозяина над классом эксплуатируемых или трудящихся. Классовое общество поэтому есть первая предпосылка существования государства, и где мы не имеем первого, там нет и последнего. Государство появляется впервые лишь вместе с классовым господством и исчезает вместе с ним. Как показал уже Энгельс, опираясь на данные Моргана, существовал, а кое-где и сейчас существует, общественный строй, лишенный классов, а с ними вместе свободный от государства. Эти положения Энгельса подтвердились вполне. И мы с полной основательностью можем утверждать, что между совершенным отсутствием государственной организации и современным ее образованием лежит целый ряд переходных форм, которые вполне соответствуют степени развития и законченности классового порядка. Естественно вытекает отсюда, что наличность и степень развития классового господства являются решающими и для развития государственного союза.

Сказанным теперь вполне определяется и последовательность дальнейшего изложения. Прежде чем мы приступим к изучению государственных понятий и основанных на них форм, мы должны исследовать классовый порядок. Но он в свою очередь есть результат глубоких и серьезных общественных явлений, которые охватывают собой, с одной стороны, историю хозяйственного развития, а с другой—соответственные изменения в области права и морали, семьи и рода, религии и науки. Другими словами, мы должны вскрыть общественное обоснование государства и таким образом подойти к нему с точки зрения науки об обществе или социологии. А это называется—применить социологический метод к изучению государства.

§ 2. **Формы классового строя.** Нельзя думать, что классовый порядок легко доступен взору ученого. Наоборот, формы его настолько разнообразны, и он прикрывается часто такой обманчивою оболочкой, что обнаружить его наличие в том или другом случае может потребовать большого труда. Да это и естественно. Наиболее общий признак всякого классового порядка есть использование или эксплуатация одного класса другим, которая состоит в присвоении плодов чужого труда. Жизнь на чужой счет—вот основной признак классового строя, при чем, конечно, такое пользование чужим трудом может выражаться в различных видах. С одной стороны,

здесь возможен чистый паразитизм, т.е. совершенно праздное существование одних за счет других вплоть до самого циничного тунеядства, а с другой—видимость некоторого обмена услуг, при чем паразит или тунеядец за получаемые им весьма существенные блага оплачивает как бы некоторыми, весьма для него легкими услугами своему кормильцу и поильцу.

В естественном мире животных мы встречаем также подобное явление—и там наука различает два вида захребетников, живущих за счет другого вида или породы: это, с одной стороны, паразиты, а с другой—коменсалисты. Последние как раз и отличаются тем, что они, эксплуатируя силы и средства своих сожителей, в то же время оказывают известную помощь или содействие тому виду животных или растений, за счет которых они существуют. В общественном мире переход от паразита к коменсалисту может быть весьма не заметен и сплошь и рядом вчерашний коменсалист, оказывающий полезные услуги своему кормильцу, сегодня превращается в чистейшего паразита, высасывающего все соки из того, кто снабжал его средствами существования.

При классовом порядке соотношения эксплуататоров и эксплуатируемых затемняются еще тем, что эти отношения получают целую оболочку из всяких идей, правил, законов, художественных и религиозных образов, и весьма легко скрывают свое истинное содержание при помощи такой идейной и словесной формы или идеологии. И если обыкновенно в мире общественном слова плохо и неверно передают обозначаемые ими факты, то в классовых отношениях это встречается особенно часто. Трудно себе представить какими только высокими правами и великими идеями не прикрываются грубое и хищное угнетение и самое отвратительное использование одного класса другим. Можно даже установить как общее правило, что тем хуже угнетение и жаднее эксплуатация, чем более неземным покровом облекается господствующий класс.

Такое положение вещей находит свое полное оправдание в интересах господствующего класса, так как ясно без дальнейшого, что истина относительно классовой эксплуатации и паразитизма далеко не может содействовать его укреплению. Даже такая грубая форма эксплуатации человека человеком как рабовладение, и та всегда прикрывалась самыми возвышенными идеями. Только тогда чувствует себя класс-эксплоататор в полном спокойствии, когда высасываемые им массы подставляют более или менее добровольно свой хребет под иго и плеть господина. Если же перед ними встает во всей бесстыдной наготе тунеядство, своекорыстие, наглость и пошлость господствующего класса с его растущей жадностью и бесчеловечной тиранией, то терпению

самых смиренных естественно наступает конец: презрение и ненависть сменяют покорность и благоговение перед высшими, а в результате—бунт, восстание или революция. А это вещи для господствующего класса всегда очень неприятные.

Если мы теперь исторически попробуем открыть формы, под которыми скрывается классовая эксплуатация, то мы можем приблизительно разделить их на несколько групп: кастовой организации, сословной и индивидуалистической. Остановимся в подробности на каждой из них.

Касты возникают при таком хозяйственном укладе, когда среди земледельческого населения создается необходимость в его техническом обслуживании при помощи особой системы орошения, агрономической техники, первобытной медицины и столь же первобытной метеорологии. На этой почве возникает первоначально особая профессия жрецов, жрецов, предсказателей и мудрецов, которые могут принадлежать сверх того к определенному племени, или к известной расе. Таковы жрецы Египта, браманы Индустана, мандарины Китая или левиты древней Иудеи. Во всех этих случаях на первый план выдвигается группа профессионалов—интеллигентов, волшебников и мудрецов, которые при крайней бедности и невежественности населения превращают в наследственную монополию свои познания в астрономии, гидро-технике, агрономической культуре, магии и т. п. Все это получает форму мистического религиозного закона, и высшая власть оказывается в руках не общественного класса собственников в современном смысле слова, а монополистов технического знания, заставляющего служить себе и на себя трудовое крестьянство.

Форма эксплуатации здесь принимает вид необычайно удобный для такой касты интеллигентов. И если даже устанавливаются постоянные поборы, то и они облакаются в форму жертвоприношений и религиозных подвигов. Сохраняется вся видимость добровольного служения божеству, совершаются бесчисленные паломничества и поклонения, а каста духовных интеллигентов, расточая весьма мало ей стоящие чудеса, поглощает вместо бога все приносимые ему жертвы и в конце концов делает из религии и тайной науки дойную корову для своего благополучия. Надо отметить, что паразитизм особенно легко устанавливается при кастовом порядке в его религиозной форме. Ибо здесь чрезвычайно легко совершается подмен нужных для массы технических и научных услуг пустым обрядом и всевозможными таинствами, не имеющими никакого реального значения.

Кастовый порядок, как показывает история, оказывается